
Библиотека проекта Бориса Акунина
«ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА»

КАЗИМИР ВАЛИШЕВСКИЙ

ВОССТАНОВЛЕНИЕ НАЦИИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В15

*Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.*

*Библиотека проекта Бориса Акунина
«История Российского государства» издается с 2014 года*

Разработка макета переплета — *Андрей Ферез*

В оформлении использованы иллюстрации, предоставленные агентством
Shutterstock и свободными источниками

Валишевский, Казимир.

В15 Восстановление нации: / Казимир Валишевский. — Москва: Издательство АСТ, 2017. — 256 с.: ил. — (Библиотека проекта Б. Акунина «История Российского государства»).

ISBN 978-5-17-103725-3

Библиотека проекта «История Российского государства» — это рекомендованные Борисом Акуниным лучшие памятники исторической литературы, в которых отражена биография нашей страны, от самых ее истоков.

Книга знаменитого польского историка конца XIX — начала XX века Казимира Валишевского о первых Романовых — это блестящий образец салонно-будуарной историографии. Несмотря на внешнюю легкость изложения, сочинение К. Валишевского является результатом кропотливого труда автора в российских и зарубежных архивах. Книга изобилует красочными подробностями повседневной жизни двора русских царей и рассказывает о той подоплеке известных событий, о которой обычно умалчивала официальная наука.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© В.Акунин, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

**ВОССТАНОВЛЕНИЕ
НАЦИИ**

Глава I

Польско-русская Украина

---

1. Украина

Украина, или Окраина, означает собою пограничную страну. Еще теперь русские называют таким же образом различные окраинные части своей империи: польские губернии, Закавказье, Среднеазиатские владения. В старину такое название служило, в частности, для обозначения обширного пространства с неопределенными границами, которое, развернув свои равнины по нижнему течению Дуная до Днестра и Дона, касаясь с одной стороны Карпат, а с другой простираясь вдоль Черного моря, представляло в одно и то же время нечто вроде нейтральной почвы между соседними странами и связующий пункт между Европой и равнинами Средней Азии.

По этому пути некогда азиатская жизнь проникала в европейский мир, и здесь-то именно два течения, цивилизация и варварство, явившись с того и с другого континента, встречались и сталкивались с ужасною силой. Этим путем с востока проникали на запад перелетные птицы, саранча, кочевые племена, монгольские армии и чума. С запада с целью остановить варваров перед угрожаемыми очагами культуры защитники цивилизации выходили на это поле битвы, где непрерывно встречались армии древности и современных эпох, начиная с Дария и Кира и до польских легионов. По словам одного поэта [А. Мицкевича], «на этой ниве, вспаханной лошадиными копытами, унавоженной человеческими трупами, усеянной белыми костями, орошенной горячим дождем крови, выросла жатва печали».

Будучи пограничною страной, Украина часто меняла как свои границы, так и своих господ. Не имея исторически известных владетелей до водворения варяжских князей в Киеве, включенная позже, до Карпат и Дона, в состав Русского государства Владимиром (980–1054) в первой половине четырнадцатого века (1319–1333), она вышла из этой агрегации и досталась Литве. В следующем веке новый поворот судьбы снова переменял ее участь, и до взятия Константинополя турками она, открывая им доступ в Молдавию, Валахию и даже на берега Днестра, на всю огромную территорию меж-

ду эту рекою, Днепром и Черным морем, увеличила собою владения Польши в литовско-польской федерации, которую создало вступление Ягелло во владение наследием Пястов. Во второй половине пятнадцатого века северо-восточная граница обеих стран находилась в ста пятидесяти километрах от Москвы! На юго-востоке прибрежные города Белгород, Очаков, Кочубей являлись польскими портами. Отправляя отсюда огромные транспорты хлеба в Грецию, они создали состояние большого количества польских фамилий: Бучацких, Ясловецких, Сенявских, владевших обширными соседними областями.

Между тем со второй половины того же века победоносное и разрушительное вторжение оттоманской державы положило конец этому многообещающему возрождению. Заставляя постоянно отступать польскую оккупацию, оно ограничило ее на юге окрестностями Киева, Брацлава и Бара. За ними и до моря оно оставило вне власти султана лишь обширные степи, отныне совершенно некультивированные, так называемые «дикие поля» (*dzikie pola*), где только кое-где сохранились еще следы древних человеческих селений.

Еще позже, во второй половине шестнадцатого века, подъем польского господства и польской культуры обнаружился снова в тех же местах, никогда уже не достигая, однако, прежних размеров, и в это время название «Украина» прилагалось вообще поляками к этой части их владений, но всегда в довольно общей форме. Официально это название появляется впервые в «конституции» 1530 года (*Volumina legum*, II, 1320); но позже им еще пользовались довольно неопределенно, когда говорили о «бесконечном пространстве» по ту сторону Случи и Мурахвы, в бассейне Днепра и Буга, до разделения водных путей с Донцом и «Очаковскими степями». В одних палатинах Киева и Брацлава насчитывалось 2183 квадратных лье, но вместе с Черниговским княжеством в эту цифру включались часто и другие области.

Происхождение и этнический характер населения этой страны нелегко поддается определению. Легенда открывает там великанов, *viéletni*, *viélinianié* (великанов — по-русски, *wielki* — по-польски) и обров (*olbrzym* — великан по-польски и по-чешски). Шафарик находит тот же корень в названии «анты», которое дано было в Германии тому же населению.

В северной части страны, как менее дикой, это население, по-видимому, рано обнаруживало склонность к промышленности, но в то же время черты изнеженности и сибаритства выступали в нем очень заметно. Киевские женщины слыли кокетками и щеголихами, и Болеслав Польский, явившись в этот город в 1706 году на помощь русскому князю Изяславу, нашел там настоящую Капую. В царствование первых князей из дома Рюрика жизнь в

ВОССТАНОВЛЕНИЕ НАЦИИ

этой стране производит впечатление постоянного праздника. В эпических песнях, относящихся к этой эпохе, воспеваются лишь пиры, за которыми восседал Владимир Ясно Солнышко, и герои и героини этого эпоса отличаются не только храбростью, но и распутством; таков был Чурило Пленкович, настоящий тип воинственного донжуана, такова также жена Дуная, обнаруживающая удивительную ловкость в стрельбе из лука и вместе с тем умеющая унизить мужа и другим способом. Глубоко демократический дух, кажется, был свойствен этому нарождающемуся обществу. Противопоставленные герцогам и королям любимцы легенды всегда темного происхождения, сыновья мужиков и бедняки.

Царь Алексей Михайлович. Миниатюра из «Царского титулярника», 1672 г.

Единственным культом, царившим среди них до самого введения христианства, являлся культ силы. Позже, столкнувшись друг с другом, эти два принципа создают какую-то смешанную культуру, и Киев, эта эфемерная столица империи, основанной на насилии, и очаг интенсивной религиозной жизни, любимое место для оргий, где победоносные казаки семнадцатого века будут соперничать с варяжскими победителями десятого века, и центр паломничества, отразил в себе все эти различные настроения. Но вместе с нормандской победой, предшествующей польскому завоеванию, в эту среду проникли и другие элементы: греки, шведы, датчане, поляки, немцы, евреи, болгары, и их наплыв, шедший неудержимым потоком, никогда не прекращался.

Каково же было местное коренное население, если таковое существовало, и какие отношения установились между ним и этими иммигрантами?

---

2. Смешение рас

Русские историки, весьма склонные признавать этническое единство этих областей с их отечеством, сами по большей части признают существование там в прошлом древнего народа, который должен был предшествовать нормандскому завоеванию и который еще теперь ярко выделяется в им же созданной общине. Этот народ по-прежнему занимает большую часть древней Украйны, половину Галиции и Буковины, Люблинскую губернию в царстве Польском, Волынскую, Подольскую и Киевскую губернии, часть губерний Ковенской и Минской, целые губернии: Черниговскую, Полтавскую, Харьковскую, Екатеринославскую и Область войска Донского. Он населяет также в значительной степени Воронежскую, Курскую и Херсонскую губернии. Институты этого народа встречаются, наконец, в губерниях Саратовской, Астраханской, Самарской и Оренбургской. Называясь теперь малороссами, украинцами, русинами, черкасами, русинскими хохлами или просто русскими, представители этой расы могли быть связаны своим происхождением с легендарными племенами девятого века, *viélinianié* или обрами, о которых уже было упомянуто выше; они известны еще под именем дулебов в Западной Волыни, бужан на берегах Буга, тиверцев на Днестре или улечей, угличей при впадении этой реки в море, хорватов по соседству с Галицией, древлян в теперешнем Полесье, полян на Днепре и т. д. И таким образом Россия разделена на две части.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ НАЦИИ

По мнению историков школы Погодина, одно из этих племен, отброшенное с юга на отдаленный север, к озеру Ильмену, по всей вероятности, восточного происхождения, основало Новгород, тогда как поляне выстроили Киев. С течением времени все племена того же происхождения разделились на три разные группы, хотя этнически и тождественные: русских юга, белоруссов и великороссов. Национальное единство должно было таким образом взять верх над видимой разноплеменностью. Но такой генезис является совершенно невероятным.

Название «русс» происходит, несомненно, от нормандского корня. Посланцы Олега в Константинополе — Имегальд, Руальд, Фарлов, Карн, Фрелав — не были, конечно, славянами. Норманны, завоеватели Новгорода и Киева, назвались здесь русскими так же, как они назвались шведами, англичанами или готами, и только их победа на севере, как и на юге, соединила на время, путем насилия, расплывшиеся подчиненные народы, как позже, в двенадцатом веке, разложение империи Мономаха вернуло их к их первоначальной гетероморфии.

Были ли эти народы, которым норманнский цемент придал эфемерную прочность, общего происхождения и была ли их общность славянскою? И это не менее проблематично. В эпоху, предшествующую норманнской победе, Нестор не знает славян в окрестностях Киева. Он указывает, что они почти всецело сосредоточились в области Двины и Верхнего Днепра, Ильменя и Днестра, и последний историк, занявшийся этим вопросом, несмотря на крайне тщательное его изучение, Грушевский, не пришел ни к какому решительному выводу. Украина была заселена еще до того, как в нее проникли норманны, и это коренное население принадлежало к индоевропейской расе, — вот все, что он осмеливается утверждать, принимая только, как нечто вероятное, разветвление этих народов от славянского элемента.

Не менее вероятно и то, что с самого начала та историческая индивидуальность, которая потом стала Россией Петра, нашла в этой области свой первый центр; она тут сформировалась как нация и тут же оставила славные воспоминания и глубокий след особенного героя. Ценность этих фактов не может быть оспариваема. Позднейшее литовское завоевание, сопровождавшееся расцветом польской культуры, создало и другие, которых нельзя игнорировать, но для развития их не было достаточно времени. Киев не может отречься от своего русского прошлого, где блистали имена Владимира, Игоря и Ольги, являлось ли оно историческим или легендарным. Польская оккупация не дала ничего подобного этой чудесной эпопее, и если принять во внимание славные предшествовавшие события десятого века, победоносное возвращение русской власти в этот древний очаг должно

было принять в семнадцатом веке характер реванша и законного возвращения своей собственности. Поляки могли бы согласиться с этим, несколько не оскорбляя своего чувства гордости. Они в этой области сделали много, да и могут выставять более основательные претензии в других местах. Что же касается вопроса, к какой семье принадлежали местные аборигены, деятельные или пассивные жертвы той долгой борьбы рас, которая продолжается еще и на наших глазах, — то это является проблемой, которая, вероятно, не будет разрешена никогда; ее важность, впрочем, очень преувеличена. Разве один польский ученый, профессор Краковского университета, не выставил гипотезу, что общею колыбелью всех славянских рас был центр современной России? И разве его соотечественники побили его за это камнями? По этой гипотезе даже поляки берегов Вислы или Варты происходят отсюда же. На берегах Днепра русские и малороссы боролись веками против ненавистных им ляхов (поляков), видя в них ярых врагов своей национальности. А по словам Ростафинского, первые ляхи, известные нам, были русские.

В начале семнадцатого века, в ту эпоху, к которой следует обратиться, чтобы собрать об этой спорной стране менее проблематичные данные, Поль-

Город Киев. Немецкая гравюра XVII века

ВОССТАНОВЛЕНИЕ НАЦИИ

ша уже начала распространять в ней свое господство, причем юго-восточные границы ее владений обозначались рядом укрепленных городов: Остром, Киевом, Каневом, Черкассами, Белой Церковью, Брацлавом и Винницею, так же как и военными пунктами в Василькове, Корсуни, Переяславле на месте прежних разрушенных крепостей. Дальше, в том же направлении, Бар и Хмельник представляли собой аванпосты в области вновь предпринятой колонизации. Еще дальше и до самого Черного моря, через теперешние губернии Полтавскую, Екатеринославскую, Херсонскую и южную часть губерний Черниговской, Киевской и Подольской, простирались «дикие поля», область почти пустынная зимою или населенная одними медведями (*ursi campestris*), выдрами, зубрами, лосями, оленями, антилопами, кабанами, дикими лошадьми и волками. Последние во время больших холодов, часто являвшихся губительными для остальных зверей, становились царями этой заповедной области.

В это время года нигде не видно было следа дыма, который указывал бы на какое-либо человеческое жилище, за исключением древнего Переяславского округа и нескольких полян и островов, затерянных среди болот по берегам Сулы и Псела, где существовали и прятались остатки одного из древних туземных племен, севрюки.

С возвращением весны картина менялась. В степи снова появлялась жизнь, и она покрывалась роскошною растительностью, которую так поэтически описал Гоголь, и в то же время начинали показываться люди. Какие люди? Сначала татары, великие скотоводы, которые покидали в апреле свои крымские улусы и приводили сюда огромные стада. За ними следовали турецкие, татарские и особенно армянские купцы, путешествовавшие караванами с изделиями Востока для рынков Польши, Литвы и Москвы и встречавшиеся в пути с сольниками, или торговцами солью, направлявшимися в обратную сторону, в Крым, за товаром. Эти партии следовали проторенными с незапамятных времен путями, татары называли их «шляхами». За ними наконец появлялись казаки.

---

3. Украинские казаки

Являясь общим, как мы это видели, всем частям древней Польши и древней России, этот элемент принимал здесь различные названия, заимствованные ими обычно от мест их пребывания или стоянок: днепровских казаков, запорожских, т. е. прибрежных жителей по ту сторону

знаменитых порогов, еще и теперь загораживающих течение реки, низовских, или обитателей низов, около Черного моря, или просто казаков киевских, каневских, черкасских.

Состав этих групп был самый разнородный. Регистр пятисот казаков, составленный в 1581 году в Черкассах, содержит в их числе: двадцать москвичей, четырех молдаван, одного серба, одного немца и много поляков, из которых некоторые дворяне. Польские хроники той эпохи видят, с другой стороны, в этом космополитическом сброде преступников, вынужденных благодаря превратностям своей бурной жизни оставить отечество и спасаться в степь, чтобы жить там разбоем. Всякий, представлявший для них хорошую добычу, являлся их врагом, но так как между ними большинство были христиане, они нападали преимущественно на турок и татар.

Польские короли получают от них некоторые услуги, заставляя их оберегать окраинные места своих владений и препятствовать вторжению «язычников».

Но в более древнее время литовско-русские казаки, появившиеся в этих областях, часто объединялись с татарами для общих предприятий; между христианами и «язычниками» продолжалось смешение, создавалась близость, которая должна была сыграть большую роль в будущем деле Хмельницкого, и благодаря этому польза, которую могла извлечь Польша из этих

Юзеф Брандт. Схватка казаков с татарами

ВОССТАНОВЛЕНИЕ НАЦИИ

помощников, являлась крайне сомнительною. В шестнадцатом веке действительно татарский элемент сильно уменьшился в большинстве шаек, благодаря чему укрепился там польский элемент, но последний внушал к себе мало доверия. Наделав ряд глупостей или потеряв свое состояние, молодые люди из хороших фамилий все чаще и чаще отправлялись искать приключений в украинской степи, если не предпочитали играть в казаков, т. е. исполнять ремесло бандита на своей собственной земле. У одного современного польского писателя мы находим такое выражение: «наши чаще ходили “казачить” в татарскую землю, чем татары к нам». И следуют имена, принадлежавшие к высшей аристократии.

И тем не менее разбойничество, особенно вначале, совсем не составляло единственного или даже главного источника существования этой части украинского населения. Казаки занимались им, одновременно прилагая свои силы и к более честному труду: к рыбной ловле, охоте, земледелию. Между пятнадцатым и шестнадцатым веками произошло глубокое изменение в политическом, социальном и экономическом положении древнего Киевского княжества: феодальная система заменила старый коммунальный режим во владении землею. Поэтому присоединение этой страны к Литве, а потом к Польше имело своим последствием эмиграцию в соседнюю степь не только негодных элементов, но и землепашцев, искавших более подходящего образа жизни для их нарушенных привычек. Название атамана, даваемое казаками их начальникам, служило в древности для обозначения хозяина-рыбака. Кроме того, зима вынуждала и самих разбойников покидать степи, где нечем было бы питаться, и загоняла их в ближайшие города или местечки. Многие из них имели там семьи.

Набеги крымских татар, увеличиваясь, не давали возможности подвергнуть какой бы то ни было мирной эксплуатации степь, и они-то привели позже к типу военной организации. Полуартельщики, полупромышленники, наполовину грабительские шайки, эти группы развивались, таким образом приближаясь к типу своеобразного братства солдат-разбойников. Их центром был один из островков Днепра ниже порогов.

Очень возможно, что, напоминая собою во многих чертах своих западное рыцарство, эта бытовая форма имела своими основателями польских дворян, вроде знаменитого Альберта Ласского, этого высокопоставленного лица, который употребил на подкладку своего плаща двести семьдесят три декрета об изгнании, которому он подвергся. Желая после того спастись от преследования, он принялся воевать в Молдавии, собрав вокруг себя случайных товарищей. Время возникновения этой бытовой формы неизвестно, так как на Днепре, как и на Дону, казаки не любили грамоты.

Польские чиновники, старосты и воеводы соседних городов, без всякого сомнения, поощряли их, надеясь найти у них помощь против татар, и не обошлось, конечно, без участия и таких искателей приключений среди польско-русских вельмож, как, например, князь Дмитрий Вишневецкий (или Висневецкий — по польской орфографии), князь Богдан Рожинский или ряд претендентов на трон Молдавии, постоянно появлявшихся в этих местах.

Впоследствии они снискали себе покровительство польских властей, выражавшееся, как и в отношениях Москвы с донскими казаками, в посылке лошадей, боевых припасов и провианта. Старосты и воеводы даже более

Дмитрий Вишневецкий —староста Черкасский и Каневский Великого княжества Литовского. В 1558 перешел на службу к царю Ивану IV Васильевичу

ВОССТАНОВЛЕНИЕ НАЦИИ

или менее открыто поддерживали походы казаков в мусульманские страны и в случае нужды давали им подкрепления, получая в обмен часть награбленной добычи или отряды для отправления всякого рода службы: стражи, конвои, вспомогательные войска для кампаний, в которых участвовала польская армия. Казаки стали представлять собой, таким образом, постоянные личные отряды некоторых из польских царьков. Но у казаков того братства, которое основалось по нижнему течению Днепра, появились вскоре другие честолюбивые замыслы.

---

4. Запорожские рыцари

Под именем Запорожья или Нижа в семнадцатом веке разместили самую дикую часть, *dzikie pola*, по обоим берегам Днепра, ниже устьев Орелы и Тясмины и по ту сторону порогов. Громадные леса росли там по берегам реки, доставляя дерево для постройки флотилий казакам, а французскому инженеру Боплану, принятому на службу Польшею, кроме того, материал для плотничьих работ в форте, предназначенном для наблюдения над смелыми плователями и для удержания их в определенных пределах.

Стан, возникший в этом месте, включал в себя далеко не всех украинских казаков. Оставив в стороне многочисленные группы, которые постепенно дошли до более или менее полного подчинения польской дисциплине и культуре, он выделился в особую дикую организацию, независимое военное братство под начальством и управлением выборных людей. Столица, или главный его пункт, называемый Сечью или Кошью — этимология этого названия остается неизвестной, — располагался на одном из островов Днепра — той самой Хортице, где в 1557 году Дмитрий Висневецкий предложил свои услуги Грозному, думая поразить этим турок и мечтая в то же время о захвате Молдавии. Эта главная резиденция не была, однако, постоянной. Казаки любили перекочевывать с одного места на другое, и после долгих споров между ними создались другие Сечи, но ни одна из них не пользовалась таким значением, как первая.

В самую блестящую эпоху своего существования, между 1600 и 1770 годами, братство, или Кравчина, как оно само себя называло, заняло более или менее прочно пространство между Бугом и Днестром. Эта территория была разделена на паланки, вначале на пять, а потом на восемь, отвечая больше назначению стратегических пунктов, чем центров почти отсутству-